

А. Ю. ОпаринБелорусский государственный аграрный технический университет,
Минск, Беларусь**К ФИЛОСОФСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, Г. ПЛЕХАНОВ И В. ЛЕНИН**

Статья посвящена философским основаниям октябрьских революционных событий в России 1917 года. Утверждается, что Октябрьская революция была революцией, противоречащей классической революционной теории марксизма. Она стала возможной только в рамках «творческой интерпретации» данного социально-философского учения русскими революционными марксистами, предполагавшей пересмотр положения об определяющей роли экономического фактора в общественном развитии и преодоление представлений о марксизме как об экономическом детерминизме. Пересмотр этих позиций, осуществленный последовательно Ф. Энгельсом, Г. Плехановым и В. Лениным, привел к формированию представлений о возможности обратного влияния надстроечных явлений на экономический базис, а значит, и о возможности прямого политико-правового воздействия на социально-экономический строй.

Ключевые слова: базис, идеология, идеологическое влияние, марксизм, надстройка, революционная теория, русский марксизм, философия марксизма, экономический детерминизм, энгельсизм

A. OparinBelarusian State Agrarian Technical University,
Minsk, Belarus**TOWARDS THE PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION
OF THE OCTOBER REVOLUTION:
K. MARX, F. ENGELS, G. PLEKHANOV AND V. LENIN**

The article is devoted to the philosophical foundations of the October revolutionary events in Russia in 1917. It is argued that the October Revolution was a revolution contrary to the classical revolutionary theory of Marxism. It became possible only within the framework of the "creative interpretation" of Marxism by the Russian revolutionary Marxists, which assumed a revision of the position on the determining role of the economic factor in social development and overcoming the ideas of Marxism as economic determinism. The revision of these positions carried out successively by Engels, Plekhanov and Lenin led to the formation of ideas about the possibility of the reverse influence of superstructure phenomena on economic foundations, and therefore about the possibility of direct political and legal influence on the socio-economic order.

Keywords: basis, ideology, ideological influence, Marxism, superstructure, revolutionary theory, Russian Marxism, philosophy of Marxism, economic determinism, Engelsism

Октябрьская революция остается в ряду важнейших социально-политических событий, задавших общий тон и темп XX в. Вместе с двумя мировыми войнами, следствием одной из которых стала она сама, Великой депрессией и начавшейся после Второй мировой войны широкой волной деколонизации, черпавшей свое вдохновение во многом уже в революционном пафосе Октября, революция оказала решающее влияние на историю человечества.

Великий Октябрь до сих пор вызывает жаркие дискуссии, особенно в части его неизбежности и возможных исторических альтернатив. Но нас больше интересует вопрос о философских основаниях грандиозного социально-политического эксперимента, начатого революционным переворотом, который совершили в октябре 1917 г. русские «максималисты» (как очень верно назвал современных ему большевиков А. Грамши). За этим последовали процессы радикальной трансформации российского общества, которые развивались не благодаря тогдашней марксистской теории, а скорее – вопреки.

Бесспорно, что классики марксизма предвидели социальную революцию в тогдашней России. В письме к А. Бебелю 15 октября 1875 г. Ф. Энгельс писал, что «если не считать Германии и Австрии, то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия... Положительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс» [1, с. 304]. В свою очередь К. Маркс в письме к Ф.-А. Зорге 27 сентября 1877 г. заметил: «Россия, положение которой я изучил по русским оригинальным источникам... давно уже стоит на пороге больших переворотов, и все необходимые для этого элементы уже созрели... Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции» [1, с. 311]. С. Кара-Мурза в свое время выдвинул версию, что в качестве главных движущих сил этой русской революции Маркс и Энгельс видели крестьянство, но представляли ее как *неклассовую* крестьянскую революцию, которая должна была, по их замыслу, только привести к свержению монархии и разрушению империи. В то же время, по мысли классиков, Россия оставалась последней капиталистической страной, где станет возможным построение социализма. Ни по уровню своего экономического развития, ни по своему социальному и политическому устройству, ни по своим культурным основаниям она не подходила на роль страны, за которой могло бы оказаться первенство в этом вопросе. Не стоило рассчитывать на социалистическую революцию ранее, чем капитализм, а значит, и классовая борьба внутри него не достигнут своих самых острых стадий, считали они, при этом социалистическая революция не случится раньше, чем победит буржуазная [2, с. 151–152, 194–197].

Сам К. Маркс нигде не высказывал четкой позиции, какого типа революцию он в России ожидал. В известном ответном и достаточно лаконичном письме В. Засулич на ее вопрос о месте русской крестьянской общины в социальных преобразованиях он не дал прямого ответа, а «отвел его, указав на неприложимость к России выводов из данного им общего анализа западноевропейских хозяйственных отношений и на необходимость устранения

“пагубных влияний, давящих со всех сторон” на общину, как на непеременимое условие, при наличии которого последняя может явиться “точкой опоры социального возрождения в России”» [3, с. 13]. Хотя известно, что в первом наброске к письму он писал, что, чтобы спасти общину, нужна русская революция. Советский исследователь И. Л. Андреев по этому поводу высказывал другое предположение, что, по видимости, «К. Маркс имел в виду направленную на свержение самодержавия демократическую революцию в России», которая могла бы дать толчок пролетарской революции в индустриальных странах Западной Европы, а уже та, в свою очередь, «теоретически могла стать условием использования коллективистских традиций русской общины в процессе прогрессивных социально-экономических преобразований, выходящих за рамки буржуазных реформ» [4, с. 5]. Однако все споры относительно исключительности традиционной русской сельской общины и о возможности для России миновать капиталистическую стадию развития в 1890-х годов окончательно «закрыл» Ф. Энгельс, когда в переписке с одним из видных идеологов либерального народничества Н. Ф. Даниельсоном настойчиво призвал отказаться от всяких надежд на крестьянскую общину и порекомендовал считаться в будущем с капиталистической Россией [1, с. 467–468].

И тем не менее социалистическая революция в Российской империи произошла, и первое социалистическое государство надолго стало примером для других. А. Грамши «по горячим следам» Октябрьской революции даже написал статью «Революция против “Капитала”», где первым высказал смелое предположение, что она стала непосредственным результатом «креативной интерпретации» марксизма большевиками, и навсегда закрепил в марксистской традиции этот ее неканонический статус [5, с. 94].

Но данный креативный подход потребовал прежде всего пересмотра одного из фундаментальных положений марксизма – об определяющей роли экономического фактора в общественном развитии. Речь шла о сложных концептуальных отношениях между базисом (материальным производством и возникающими в связи с этим экономическими отношениями) и надстройкой (где сплетены политика, идеология и культура, а также реакции людей на обстоятельства их жизни, специфику и условия материального производства и сложившиеся экономические отношения), а точнее – о порядке их взаимодействия, который у классиков марксизма получил только самый общий и в недостаточной степени прописанный характер. Могут ли надстроечные факторы оказывать сколь-нибудь значительное влияние на базис, и где пределы этого влияния? В конечном счете вопрос состоял в том, можно ли преобразовать экономический фундамент общественной жизни или хотя бы запустить процесс трансформации *политически и идеологически*?

Любопытно, что важнейшую роль в этом пересмотре сыграл Ф. Энгельс – друг и соратник К. Маркса, хотя это и не так очевидно. А «медиумами» энгельсовских идей для русской революции выступили Г. В. Плеханов и В. И. Ленин.

Любопытно, что многие в 1917 г. обвиняли Ленина в предательстве Плеханова («У Христа был только один Иуда, а среди учеников Плеханова их было много», – заявил на его похоронах меньшевик Л. Дейч [6, с. 54]), а сам русский мыслитель не поддержал ленинский проект, следом за классиками марксизма считая, что для социалистической революции в России еще не настали социально-экономические условия, что нужно пройти все этапы капиталистического развития и т. д. «Русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма, и что пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся, – писал он по возвращении из эмиграции. – Демагоги запоеют... на разные голоса, что я советую социалистам петь хвалы буржуазии. Это, разумеется, вздор. Мы должны критиковать буржуазию, мы должны всеми силами отстаивать от ее посягательств интересы рабочего класса. Но... мы должны вести свою пропаганду и агитацию так, чтобы под их влиянием народ не вообразил, будто ему не остается ничего другого, как теперь же попытаться сделать социалистическую революцию» [7, с. 20]. Однако их совместная заслуга в адаптации марксистского учения к российским реалиям и превращение революционной теории марксизма в русскую революционную практику бесспорна. Г. В. Плеханов своими теоретическими работами вооружил русских революционных «максималистов», В. И. Ленин же, в свою очередь, как их лидер превратил теоретические концепции Плеханова в идейное основание для радикального политического активизма.

Как известно, упрощенное понимание концепции Маркса и Энгельса в конце концов привело к тому, что экономический детерминизм как одно из возможных прочтений их теории стал наиболее влиятельным во время существования II Коминтерна (1889–1914 гг.). При том что это была очень удобная позиция, поскольку крах капитализма тут обязательно оказывался неизбежным. Оставалось только проанализировать все проблемы капиталистического общества, находившегося тогда на заре своего развития (и в наиболее неприглядной своей форме!), и представить научную теорию этого краха с неумолимостью статистического прогноза. Однако эта теория действовала в обход диалектики, не рассматривая многокомпонентную социально-экономическую систему как целостную и, прежде всего, нивелируя значимость мыслей и действий отдельного человека, вовлеченного при этом в социально-групповые взаимодействия, включая профессиональные, политические и т. д. Она нивелировала и воздействие идеологических компонентов общественной жизни на ее течение. Существенным элементом данной теории представлялась только экономическая структура капитализма, которая определяет индивидуальное мышление и действия, ставя их содержание в прямую зависимость от себя. Если условия материального производства определяют общественное сознание, то и никаких обратных воздействий быть не может, ведь именно «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политиче-

ский и духовный процессы жизни вообще», – писал по этому поводу К. Маркс в своей программной работе «К критике политической экономии» [8, с. 7]. Однако это скорее вело к политическому созерцанию, чем к активному противодействию капиталистической системе: зачем нужны индивидуальные действия, если капиталистическая система готова рухнуть под тяжестью своих собственных структурных противоречий? Это был естественно возникающий вопрос и естественно возникающее сомнение [9, с. 162]. Что, разумеется, шло вразрез с практической ориентированностью учения классиков марксизма, ставя под сомнение главный – 11-й – из «Тезисов о Фейербахе» [10, с. 4].

В последующем, уже после кончины Маркса, Энгельс часть вины за вульгаризацию марксизма возложил на себя и своего покойного товарища, утверждая, что они – ради закрепления основного своего «монистического» принципа, обеспечивающего целостность всей их социально-философской системы, – вынуждены были постоянно педалировать исключительную роль экономического фактора [1, с. 424]. После чего Ф. Энгельсу пришлось вносить коррективы в получившую распространение схему общественных отношений, объясняя, что экономический фактор является определяющим лишь в «конечном счете» и что он вовсе не является единственным. «Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – государственный строй, <...> правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм...», – разъяснял Энгельс в письме Й. Блоху [1, с. 422–423]. «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное – лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь», – продолжал он эту же тему в письме В. Боргиусу [11, с. 175].

Г. В. Плеханов в своей работе «Основные вопросы марксизма» также обратился к проблеме взаимоотношений базиса и надстройки, значительно дополнив и развив ее. Им была сформулирована так называемая «пятичленка», которая определяет иерархию факторов и выделяет последовательные ступени, выстроенные по степени изменения их влияния на жизнь общества. «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь “основания” к не менее знаменитой “надстройке”, то у нас получилось бы вот что: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные ими экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной “экономической основе”; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики» [12, с. 179–180].

При этом философ-марксист здесь полностью принимает уместность и справедливость внесенных Ф. Энгельсом в марксистскую теорию корректив: «Чрезвычайно важно заметить, – пишет Г. В. Плеханов, – что когда Энгельс, уже незадолго до своей смерти, отвергал автоматическое понимание исторического действия экономики, он только повторял... и пояснял то, что написал Маркс уже в 1845 г. в... третьем тезисе о Фейербахе. Маркс упрекал там предшествовавший ему материализм в забвении того, что если, с одной стороны, люди представляют собою продукт обстоятельств, то с другой – обстоятельства изменяются именно людьми» [12, с. 169].

Не ставя под сомнение, что все явления духовной жизни, в том числе идейно-политические, сформированы самим ходом социально-экономического развития общества, Плеханов вслед за Энгельсом допускает и возможность обратного влияния надстроечных явлений на экономические основания. Русский философ до того уже несколько раз обращался к проблеме движущих сил социальной динамики, например, в работах «Очерки по истории материализма» (1896 г.), «О материалистическом понимании истории» (1897 г.), ряде других, где подробно рассматривал взаимодействие экономических и духовных сторон жизни общества. В итоге вместо эклектичного набора факторов, параллельно и непосредственно влияющих на социальные процессы в обществе, он предложил иерархически выстроенную строгую стратифицированную систему. Экономика и экономические отношения – в базисе, но их воздействие на явления духовной жизни сказывается только через ряд посредствующих звеньев; они лишь *в конечном счете*, а не непосредственно определяют надстроечные явления. Кроме того, формула подразумевает взаимосвязь этих факторов друг с другом, равно как взаимосвязь различных сфер и форм духовной деятельности. «Надо от экономики уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий», – пишет он [13, с. 247]. Согласно этой формуле организовано также и обратное воздействие: идеологии на общественную психологию, далее – на форму общества и в конечном счете – на экономическую основу. Наконец, Г. В. Плеханов предложил и новую классификацию идеологических структур: «идеологии первого порядка» – право и политика, которые непосредственно отражают базис общества и столь же непосредственно на него воздействуют; «идеологии второго» (наука, мораль) и «третьего» (религия, философия, искусство) порядков отражают базис опосредованно и так же опосредованно оказывают обратное влияние. Недаром Плеханов пишет следующее: «...чтобы убедиться, например, в том, как мало игнорировали Маркс и Энгельс значение политического фактора, достаточно прочесть те страницы “Коммунистического манифеста”, где говорится об освободительном движении буржуазии... Политические отношения, несомненно, влияют на экономическое движение; но также несомненно и то, что прежде, чем влиять на него, они им создаются» [12, с. 166–167].

В итоге гипотезой захвативших осенью 1917 г. власть сторонников Ленина стало именно это предположение Плеханова о возможности непосредственно политико-правового влияния на экономический порядок – не только в тот момент не социалистический, но еще и не вполне буржуазный. Данную гипотезу они попытались доказать *на практике*, несмотря на негативный пафос плехановских статей, написанных в канун и после Великого Октября. Революционный процесс был запущен, а политическая власть, на которую нацелился В. И. Ленин, открывала доступ не только к институтам «идеологий первого порядка», прежде всего – права, она открывала доступ и к другим институтам – общественной культуры, убеждения и пропаганды: школам, вузам и СМИ, – позволявшим влиять на «психику общественного человека» и так постепенно изменять «форму общества», через революционную трансформацию людей перестраивая способ хозяйствования, то есть экономику в целом. Ведь еще Плеханов в своей наиболее важной ранней работе «Социализм и политическая борьба» отмечал, что «ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе к “политике”... напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как приобретал политическое господство... мы должны признать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей» [14, с. 80]. Иными словами, русские коммунисты, блокировавшиеся вокруг Ленина, воспользовались теоретическими допущениями, предоставленными им Плехановым, и его прямыми установками, касающимися политического господства, чтобы посредством государственной власти прийти к «революционной гегемонии», основанной не только на принуждении, но и на согласии, обеспеченном идеологическими аппаратами государства и возможными «обратными связями» плехановской «пятичленки». Тем более что «о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи», как писал сам Ленин в своей работе «Что делать?». Социалистическое сознание есть «нечто извне внесенное» в классовую борьбу пролетариата, а «не нечто стихийно из нее возникшее», уточнял он, ссылаясь на критику К. Каутским проекта программы австрийской социал-демократической партии [15, с. 38–39].

Отметим, что на революционные процессы влияло еще много факторов, и прежде всего военного свойства. «Маркс предвидел только то, что можно было предвидеть. Но он не мог предвидеть европейскую войну или, скорее, он не мог предвидеть, что эта война продлится так долго и что она приведет к таким последствиям», – писал А. Грамши, имея в виду, что при «*при нормальных условиях*» каноны марксистской исторической критики схватывают реальность, поглощают и делают ее ясной», но «нормальность» была нарушена империалистической войной [16, с. 3–4]. В результате «нашлись люди, которые решили... совершить сейчас... все то, что классический марксизм откладывал

на далекое будущее, рассматривая социальную революцию как результат законченной хозяйственной эволюции... <...> ...Эти люди, обретя государственную власть, решили на руинах капиталистической монархии начать строительство <...> Социалистической Республики, в которой осуществилась бы максимальная программа социалистов всего мира..., – писал, в свою очередь, по этому поводу один из основателей белорусского социалистического движения А. И. Луцкевич. – И началась реализация идеи социализма – волей интеллекта революционных народных масс, не оглядываясь, настало ли “провозглашенное через пророков” марксизма время на это» [17, с. 307].

Удалось ли большевикам-ленинцам в полном объеме доказать свою правоту? И да, и нет. Вот что писал сам В. И. Ленин на этот счет в 1921 г., подводя итоги бурного революционного четырехлетия: «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как “побочный продукт” нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной*, социалистической работы», но в политико-правовом отношении они были решены Октябрьской революцией, по словам Ленина, «до конца»: и вопрос равноправия женщин, и национальный вопрос, и проблема влияния церкви на жизнь общества и государства – всё то, что он сам относил к содержанию буржуазно-демократической революции. Однако для радикального изменения общественной психологии явно не хватало времени: «Мы... предполагали без достаточного расчета непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* – работой долгого ряда лет подготовить – переход к коммунизму» [18, с. 147–151].

Впрочем, возможно, что в той сложной диалектической схеме 1917 г., где все элементы «надстройки» равно воздействовали друг на друга на фоне нарушенной «нормальности» работы экономических институтов, на *определённом* этапе они, войдя в *определённый* резонанс, в *определённом* сочетании и/или конфигурации оказались доминирующими. Конечно, всё обуславливает в *конечном счете* экономика, но общество представляет собой сложно структурированную целостность, где инстанции надстройки, явления духовной жизни общества могут сыграть свою особую роль. Разумеется, речь здесь идет об известном «трюке», предпринятом Л. Альтюссером в конце 1960-х, когда он попытался через феномен «сверхдетерминации», обратного воздействия надстроечных факторов на базис, а также особой их комбинации объяснить тот факт, что социалистические революции произошли совсем не там, где их ожидали, а напротив – где не ожидали. Речь шла о том, чтобы объяснить стихийно наблюдаемую историю, а также дать историческое объяснение событиям в прошлом, например, несоответствие между развитием производительных сил и обострением капиталистических противоречий в развитых странах,

а также социалистические революции – в развивающихся. Но начинается он с того, почему именно Россия, «отставая от других империалистических стран *по меньшей мере на столетие, в то же время находилась среди них в первых рядах*». А всё связано, по Альтюссеру, «с накоплением и обострением исторических противоречий, непостижимых вне пределов России», которые он и перечисляет: «опыт и тяготы» империалистической войны, пережитки феодального режима эксплуатации, делавшие «возможным уникальное сближение крестьянского восстания и революции рабочих», борьба между самими господствующими классами, «генеральная репетиция» Революции 1905 года и т. д. [19, с. 137–142]. Эти и другие факторы французский философ-марксист и обозначает как сверхдетерминанты, многие из которых определены сознанием правящего класса и настроениями масс, историческими обстоятельствами, политикой государства, идеологическим и даже психологическим состоянием общества и т. д. и всецело относятся к «надстроечным».

В заключение обратимся снова к Ф. Энгельсу, утверждавшему: «Люди сами делают свою историю... Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайность*...» [11, с. 556]. А также к тому, что еще писал А. Грамши: если большевики-ленинцы и отказались от некоторых положений «Капитала», то «они не отвергли его вдохновляющей имманентной идеи». Они не стали догматизировать Маркса, но «они живут идеей Маркса», а эта «идея рассматривает в качестве доминирующего фактора истории не голые экономические факты, а человека, людей в обществе, людей во взаимоотношениях друг с другом...» [16, с. 2–3].

Список использованных источников

1. Маркс, К. Избранные письма / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – М. : Госполитиздат, 1953. – 536 с.
2. Кара-Мурза, С. Г. Маркс против русской революции / С. Кара-Мурза. – М. : Яуза, 2008. – 318 с.
3. Из архива П. Б. Аксельрода / ред.-сост. И. А. Гессен. – Берлин : Рус. революц. архив, 1924. – 255 с. – (Материалы по истории русского революционного движения ; т. 2).
4. Андреев, И. Л. К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич / И. Л. Андреев // Советская этнография. – 1979. – Сентябрь-октябрь. – С. 3–21.
5. Савино, Дж. Норма политической морали: интеллектуальный проект Антонио Грамши / Дж. Савино // Социология власти. – 2017. – Т. 29, № 2. – С. 84–96.
6. Кулегин, А. М. «...Умер Плеханов. Его съела родина...» / А. Кулегин // Дилетант. – 2024. – № 106. – С. 50–55.
7. Плеханов, Г. В. Год на родине // От первого лица : сборник / сост. И. А. Анфертьев. – М. : Патриот, 1992. – С. 4–53.
8. Маркс, К. Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 13. – 1959. – 804 с.

9. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер ; пер. с англ.: А. Бойков, А. Лисицына. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.
10. Маркс, К. Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 3. – 1955. – 649 с.
11. Маркс, К. Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 39. – 1966. – 713 с.
12. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов ; Акад. наук СССР, Ин-т философии ; редкол: М. Т. Иовчук [и др.] ; подг. текстов и примеч. Е. С. Коц [и др.] ; вступ. ст. В. Фоминой. – М. : Госполитиздат, 1956–1958. – Т. 3 / вступ. статья А. Маслина. – 1957. – 784 с.
13. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов ; Акад. наук СССР, Ин-т философии ; редкол: М. Т. Иовчук [и др.] ; подг. текстов и примеч. Е. С. Коц [и др.] ; вступ. ст. В. Фоминой. – М. : Госполитиздат, 1956–1958. – Т. 2 / вступ. статья Б. Чачина. – 1956. – 824 с.
14. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов ; Акад. наук СССР, Ин-т философии ; редкол: М. Т. Иовчук [и др.] ; подг. текстов и примеч. Е. С. Коц [и др.] ; вступ. ст. В. Фоминой. – М. : Госполитиздат, 1956–1958. – Т. 1. – 1956. – 847 с.
15. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М. : Политиздат, 1967–1975. – Т. 6. – 1967. – 619 с.
16. Грамши, А. Революция против «Капитала» / А. Грамши // Альтернативы. – 1998. – № 3. – С. 2–5.
17. Луцкевіч, А. І. Барацьба за вызваленне : [зборнік] / А. Луцкевіч. – Вільня [Вільнюс] : Ін-т беларусістыкі ; Беласток : Бел. гіст. т-ва, 2009. – 650 с.
18. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М. : Политиздат, 1967–1975. – Т. 44. – 1970. – 725 с.
19. Альтюссер, Л. За Маркса / Л. Альтюссер ; пер. с франц. А. В. Денежкина. – М. : Практис, 2006. – 392 с.